

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Б. А. РОМАНОВ И ЕГО «ГИД» ДАНИИЛ ЗАТОЧНИК

В книге «Люди и нравы древней Руси» Б. А. Романов ввел в качестве посредствующего звена между собой и читателем Даниила Заточника. Он избрал Даниила «гидом», чтобы водить с его помощью читателя книги по всем кругам социальных мытарств древней Руси. Он сделал Даниила и своим собственным «гидом», позволив внести в историческое исследование столь необходимый гуманитарным наукам научный эксперимент. Этот блестящий методический прием недостаточно еще оценен в исторической литературе. Смысл его до сих пор остается не ясен, предоставляемые им возможности не раскрыты. В задачу моего очерка не входит это раскрытие во всем его объеме и значении. Цель моя — указать на правомерность его и даже необходимость.

В самом деле, почему Б. А. Романову понадобился этот своеобразный «посредник» между собой и историческим материалом? Почему не рассказать все, что необходимо, непосредственно от первого лица исследователя?

В художественной литературе, мы знаем, автор часто создает в помощь себе рассказчика, повествователя, мемуариста, разделяя его своеобразными чертами мировосприятия и языка изложения. Пушкин ставил между собой и читателем Белкина, Гоголь — Рудого Паньку, Лермонтов — Печорина или Максима Максимыча, Достоевский — Макара Деушкина, подростка, «хроникера» и т. д. Мы выбрали лишь наиболее известные в русской литературе XIX в. образы посредников между автором и его читателями. Но, если угодно, число их может быть увеличено. Они исчисляются сотнями.

Необходимость в такого рода посредниках в художественной литературе хорошо понятна. События и герои, особенно принадлежащие какой-либо специфической среде и эпохе, нуждаются в особом, локальном освещении, чтобы быть лучше раскрытыми. Автор создает своего двойника, который повествует или пишет со своей, неавторской точки зрения и особым языком. Этот по-

вествователъ либо близок описываемой среде и эпохе, чтобы читатель представлял себе происходящее в наибольшем приближении, в свойственном описываемому освещении, либо, напротив, отделен от объекта повествования временем, иной средой, иным уровнем понимания, чтобы все происходящее в произведении выглядело странно и необычно, а смысл как бы самостоятельно угадывался читателем. «Псевдоавтор» со своей точкой зрения и со своей манерой повествования создает как бы искусственную подсветку, облегчающую художнику отображение реальности.

Образу повествователя в новой русской литературе посвящено довольно много исследований крупнейших литературоведов. Об этом писали Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский, Б. В. Томашевский, В. В. Виноградов. Опыт этого изучения стал в последнее время использоваться и в зарубежном литературоведении (В. Эрлих).

В исторической науке, когда люди и их намерения не являются основным объектом изучения, нет необходимости говорить их собственным языком и реконструировать их собственные взгляды и суждения. Однако там, где есть необходимость исследовать людей иной культуры, объяснить их намерения и их мысли, «быт и нравы», потребность в «локализме» освещении возрастает пропорционально отделяющему нас от них «культурному расстоянию».

В книге Б. А. Романова речь как раз идет о людях отдаленной эпохи, о их образе мыслей, их взглядах на происходящее и о их психологическом состоянии в сложном процессе классового образования. Нужно поэтому заставить их говорить своим языком, употреблять свойственные им термины и, самое главное, нужно конкретно представить и вообразить их отношение к происходящему, объяснить их поведение.

Эта «близкая эпохе» точка зрения должна быть индивидуализирована. Она не может быть точкой зрения «вообще», она не может не учитывать классовую дифференциацию общества, наличие разных социальных позиций и даже различных «самочувствий». Поэтому-то Б. А. Романов прибег к образу «гида», соответствующего в художественной литературе образу повествователя, при этом он избрал для своего «гида» вполне конкретный образ — Даниила Заточника. Неважно — был ли Даниил Заточник реальным лицом или это чисто литературный персонаж. Важно, что он конкретен в своем «приземлении» к эпохе, в своих воззрениях на жизнь.

В качестве «гида» Заточник избран исключительно удачно. Заточник — скептик. Он в известной мере анализирует жизнь, примеривает к себе различные жизненные ситуации, ищет выхода из своего тяжелого положения. Он, строго говоря, не принадлежит ни к какому классу или сословию. Обычные точки зре-

ния, неоднократно высказывавшиеся в литературоведении, о том, что Даниил «дворянин», дружинник или холоп, основаны на шатких соображениях, субъективных истолкованиях вырванных из контекста отрывков, а порой и обрывков текста. Как пишет Б. А. Романов, Даниил «потенциально является кандидатом в любое общественное положение... В тот момент, когда какой-нибудь Заточник добросовестно примет от жизни свою этикетку и застынет в соответствующей позе, он перестанет быть Заточником».¹ Б. А. Романов показывает, что Даниил захвачен процессом классовобразования. От этого он не папел еще своего места в жизни и ко всему относится с проницей. Как я пытался показать в свое время, Даниил пользуется скоромными приемами, но это скоромох умный и книжный. Он соединяет в своем произведении фольклор и книжную образованность, составляя из этого соединения своеобразную амальгаму литературы и фольклора, мирской мудрости и церковной морали.²

Б. А. Романов пишет, что автору «Слова Даниила Заточника» «удалось найти исключительно удачную литературную форму».³ И вот об этом последнем замечании Б. А. Романова я и хочу сказать несколько слов. Дело в том, что автор «Слова» действительно «нашел» свою форму, открыл ее для своего произведения, а не последовал за традицией. Подобно тому как Русь XI—XIII вв. была захвачена, по выражению Б. А. Романова, процессом «классообразования», древняя русская литература XI—XIII вв. была захвачена процессом «жанрообразования».

Мы знаем, что средневековые литературы отличались традиционностью, устойчивостью образов, символов, повторяемостью известных приемов и даже целых пассажей, а также жесткой традиционной системой жанров. Однако Русь в XI—XIII вв. только формировала свою систему литературных жанров. Система эта тяготела к литературной устойчивости, но еще не успела достаточно развиться. В целом на Руси в XI—XIII вв. существовали две системы жанров: одна фольклорная, другая — перенесенная к нам из Болгарии и Византии. Обе эти системы, существовавшие параллельно в независимых друг от друга областях,⁴ не могли отразить все потребности интеллектуальной жизни. Поэтому в традиционные книжные жанры постоянно вносились местные поправки в связи с новыми местными темами. Такая

¹ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 216.

² Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 106—119.

³ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, стр. 17.

⁴ Потребности в развлекательных жанрах, в любовной лирике, в историческом осмыслении прошлого и др. удовлетворялись фольклором. Потребности, возникшие в связи с христианской религией, потребности в связи с появлением нового исторического сознания, потребности политической мысли удовлетворялись литературой.

поправка внесена, например, митрополитом Иларионом. Его знаменитое «Слово о Законе и Благодати» не просто торжественная, праздничная речь, каких много было в Византии и Болгарии. Перед нами историко-софское произведение, соответственно изменившее некоторые свои жанровые признаки. Процесс жанрообразования мы видим и в летописи. Летопись не просто возникла с появлением необходимости летописных записей. Записи, по-видимому, велись и в X в., но летопись как жанр появилась только в XI в., не ранее второй четверти XI в. Жанр «Поучения» Владимира Мономаха также был особенным. Он отстает от обычных церковных поучений и от поучений отца к сыну. Это политическое завещание. В него введены автобиографические материалы в качестве назидательных примеров. Необычен и жанр «Слова о полку Игореве». В нем соединены элементы ораторского произведения, книжного по своей природе, и двух фольклорных жанров — плачей и слав. Новая форма и здесь была вызвана необходимостью внести в произведение сложное общественное содержание. В византийско-славянской книжной системе жанров не было такого жанра, в котором легко и удобно мог бы воплотиться призыв к единению Руси. Поэтому автор пытался создать новую форму из соединения фольклора и книжности. «Слово о погибели Русской Земли» — еще один пример одиноко стоящего в жанровом отношении произведения. Это плач и слава, но приспособленные к условиям книжности и к потребностям темы: слава прошлому Русского государства и плач о его настоящем.

Так же единичен и своеобразен жанр «Слова» или «Моления» Даниила Заточника. В нем тоже соединяются фольклор и книжность. В скоморошьем попрошайничестве Даниила и его унижения перед князем кроются гордость своим умом, сознание своего человеческого достоинства, а в его листи князю есть изрядная доля критики, насмешки и сатиры. Вспомним только, как автор изображает двор князя и какими саркастическими замечаниями он наделяет его приближенных. Естественно, что такое произведение, как «Слово» или «Моление» Даниила, не могло уместиться в рамки традиционного жанра. Оно было слишком сложно с точки зрения занятой его автором позиции и для фольклора, и для традиционной книжности.

Б. А. Романов не только отлично понимал эту многозначительность и многозначность произведения Даниила, его острую «мизантропичность», но и удивительно им воспользовался. Он как бы продолжил «Слово», «Моление» и «Послание», пользуясь незавершенностью их формы, расширил их, попытавшись глазами Заточника и приемами, открывавшимися в его жанре, «прочитать» всю русскую действительность XII—XIII вв.

В самом деле, процесс жанрообразования не остановился на «Слове», «Молении» и «Послании» Даниила Заточника. Списки

этих произведений свидетельствовали о какой-то неудовлетворенности переписчиков, создававших новые редакции текста. Переписчики Даниила были его сотворцами, приспособлявая его произведения к потребностям своей эпохи.

Одним из последних соавторов Даниила Заточника был Б. А. Романов. Он несомненно продолжил его произведение, ввел в него новые жизненные ситуации XII и XIII вв.⁵ и с его помощью создал не только новую и своеобразную методику исследования «людей и нравов», но и особый новый жанр исторической работы — необычайно трудный, ибо для того, чтобы последовать Б. А. Романову, нужно не только обладать его талантом, но и найти столь же удачного «гида».

Эксперимент XII—XIII вв. дал идеальный повод для научного эксперимента XX в.

---

⁵ Я не хочу сказать, что Б. А. Романов дописывал памятник, но он несомненно досочинил его ситуации, экспериментировал над его продолжениями, ставил его автору все новые и новые задачи.